

Папарацци, притаившийся в тени, опустил голову и уставился в экран камеры.

Ему удалось заснять Мо Фэйбая, но кадры вышли никудышными: лишь спешно выходящий из здания человек в нелепом, явно не по размеру, пиджаке.

Разве это материал?

Заказчику нужны были снимки, где он либо в беспорядке, либо в двусмысленной близости с каким-нибудь мужчиной. На худой конец, подошли бы следы от поцелуев на шее — из этого можно было бы раздуть скандал.

Делать нечего, пришлось следовать за Мо Фэйбаем дальше.

Тот свернул в переулок. Место было неудобным для слежки, и пока папарацци колебался, Мо Фэйбай внезапно показался снова!

Фотограф нырнул в угол, навел объектив и лихорадочно защелкал затвором.

Но стоило ему опустить камеру, как он в изумлении замер: Мо Фэйбай исчез!

Папарацци растерянно завертел головой, и в этот самый миг чья-то рука из-за спиныхватила у него камеру.

Он вздрогнул, обернулся и вытаращил глаза:

— Ты... ты...

Мо Фэйбай, подняв камеру над головой, уклонился от попытки фотографа вернуть добычу. На его губах заиграла полуулыбка:

— Что, следил за мной, а теперь боишься?

Это выражение лица, отразившееся на и без того прекрасных чертах оригинала, казалось еще более ослепительным.

Однако папарацци, оправившись от шока, лишь засуетился:

— Какая слежка? Я тебя не знаю, просто мимо проходил! Зачем ты отобрал мою камеру?

— Мимо проходил? Не знаешь меня?

Мо Фэйбай усмехнулся и повесил камеру себе на шею, лишая фотографа возможности легко ее вернуть.

— Твоя камера сама расскажет, проходил ты мимо или нет. Полагаю, там не только мои снимки? Как думаешь, если те, кого ты еще успел заснять, узнают об этом, они легко тебя отпустят?

Лицо папарацци мгновенно изменилось. И правда, в памяти устройства хранилось куда больше, чем просто невнятные кадры с Мо Фэйбаем. Если всплывут остальные снимки, он наживет себе врагов, с которыми не справится. Все это он копил на черный день, а не для того, чтобы публиковать сразу. Иначе он рисковал перейти дорогу тем, с кем лучше не связываться.

— Чего ты хочешь?

Фотограф стиснул зубы, не сводя глаз с камеры. Ему хотелось вцепиться в Мо Фэйбая, лишь бы вырвать свое имущество.

— Ничего особенного.

Мо Фэйбай вытащил карту памяти, вернул камеру владельцу и, не оглядываясь, зашагал прочь.

— Эй!

Папарацци сделал пару шагов вслед. Его волновала не камера, а то, что было внутри. Это был материал, который мог как прославить его, так и навлечь беду — все зависело от того, как им распорядиться.

Мо Фэйбай обернулся:

— Кто бы тебя ни подкупил, иди и следи за ним. Как только добудешь достаточно козырей для обмена, я, разумеется, верну тебе твое.

Сейчас у него не было времени препираться с этим человеком.

После того как он получил доступ к чужим воспоминаниям, его куда больше беспокоило, как вести себя с Цзи Тяньи. Он ведь решился на дерзость и даже содрал с того одежду, будучи уверенным, что Цзи Тяньи не знаком с оригиналом.

И вот — ах, ситуация сложилась просто катастрофическая.

Взгляд Мо Фэйбая — холодный и равнодушный — заставил сердце фотографа сжаться. Он

больше не посмел преследовать его.

Мо Фэйбай легкой походкой добрался до своего жилья. Едва войдя в комнату, он поспешил избавиться от пиджака, который, казалось, все еще хранил ледяной холод Цзи Тяньи.

Ему казалось, что если он проносит его хоть секунду дольше, то получит удар током.

Долго глядя на куртку, Мо Фэйбай неуверенно ткнул пальцем в пустоту:

— Дунмэ, может, такой человек, как Цзи Тяньи, привыкший к подобным вещам, не станет меня искать и сводить счеты с какой-то мелкой сошкой?

Дунмэ безжалостно развеял его надежды:

— Но ты ведь вырубил его, да еще и раздел...

Мо Фэйбай:

— ...

Поразмыслив еще немного, он наконец пробормотал:

— Все же мне кажется, он не станет принимать всерьез такого ничтожество, как я. Сбежал — и ладно.

Лучше уж подождать, предпримет ли он что-то на самом деле. А сейчас стоит хорошенько выспаться — завтра снова съемки.

...

Ночь сгущалась. В гостиничном номере все еще витал едва уловимый аромат дурманящего средства.

Цзи Тяньи растянул губы в небрежной, зловещей усмешке.

— Мо. Фэй. Бай.

Он медленно, по слогам, проговорил это имя. В его глазах плясали темные искры.

В руке он сжимал заколку с кроличьими ушками — Мо Фэйбай в спешке обронил ее, когда забирал одежду оригинала.

— Да, господин.

Помощник Ли Цин аккуратно сложил новую одежду на тумбочку, не решаясь поднять взгляд на Цзи Тяньи.

Все вокруг считали Цзи Тяньи холодным, не знающим улыбки человеком, равнодушным к женщинам, поэтому все предыдущие попытки подослать к нему кого-то заканчивались тем, что этих людей просто выбрасывали вон.

Только Ли Цин знал, что у его босса на самом деле весьма причудливый характер. Все эти «подарки» попадали в номер лишь потому, что господин намеренно оставлял лазейки.

То ли кто-то из окружения позволял себя подкупить, то ли находились способы раздобыть карту от номера у персонала — все это было лишь забавной игрой его босса.

Всех, кто пытался пробраться в его постель, он «решал» вопросы, и это доставляло ему удовольствие. А те, кого выставляли за дверь, хранили молчание, боясь проронить хоть слово. В итоге остальные оставались в неведении и, полагая, что у них есть шанс, продолжали слать свои «подарки».

Так вышло и в этот раз: Мо Фэйбай оказался в номере, потому что сам Ли Цин «случайно» проболтался о графике босса, когда кто-то попросил его указать путь.

На самом деле Цзи Тяньи был в курсе всего происходящего. Ли Цин понимал, что босс просто хотел вновь позабавиться, наблюдая за тем, как люди суетятся, пытаются подобраться к нему.

— Ты сказал, на какой он сейчас съемочной площадке?

Цзи Тяньи сжал пальцами пушистые кроличьи ушки. Казалось, он с силой сжал уши самого Мо Фэйбая.

Улыбка на его губах стала шире, а глаза сузились. Он был похож на затаившегося в горах волка, который наконец обнажил клыки, сверкнувшие холодным блеском.